

Михайлов Дмитрий Алексеевич**Mikhailov Dmitry Alekseevich**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений
и гуманитарного сотрудничества
Сибирского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

PhD in History,
Associate Professor, Department of International
Relations and Human Cooperation,
Siberian Institute of Management – branch of
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ

PROBLEMS OF STUDYING THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION OF ESTONIA

Аннотация:

В статье анализируется современное состояние дискуссий в академической литературе об особенностях положения русской общины и процессах этнической идентификации русскоязычного населения в современной Эстонии. Выделяются и характеризуются пять комплексов обсуждаемых проблем: интеграционная политика эстонского государства и гражданство; языковая политика и статус русского языка; унификация системы образования и упразднение русскоязычных школ; отношение к политике России; политика памяти и столкновение нарративов о советском наследии и Второй мировой войне. Обосновывается вывод о необходимости проведения исследований русской идентичности феноменологического плана, которые позволят понять ценностные установки русскоязычного населения Эстонии на примере конкретных биографических траекторий. Предлагается дизайн исследования, предметом которого должно стать среднее поколение русских, которое получило образование в советских школах и выстраивало карьеру в условиях национального строительства эстонского государства.

Ключевые слова:

Эстония, интеграционная политика, национальное меньшинство, этническая идентификация, национализм, русскоязычное меньшинство.

Summary:

The paper analyzes the current state of academic literature-based discussion on the Russian community situation and the processes of ethnic identification of the Russian-speaking population in contemporary Estonia. Five sets of the discussed problems are distinguished and characterized: integration policy of the Estonian state and citizenship; language policy and Russian language status; education system unification and abolition of Russian-language schools; attitude to Russian international policy; politics of memory and clash of Soviet heritage and World War II narratives. The author proves the need to conduct research on the phenomenon of Russian identity, which makes it possible to understand the values of the Estonian Russian-speaking population by a case study of the biographical trajectories. It is proposed to design a study that focuses on the middle-aged Russian-speaking people, who have received their education in Soviet schools but built their career during the construction of the Estonian national state.

Keywords:

Estonia, integration policy, national minority, ethnic identification, nationalism, Russian-speaking minority.

Введение. В принятой в декабре 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, обозначена в качестве одной из приоритетных задач. Ее успешное выполнение осложняется многозначностью и проблемностью понятия «соотечественники». В редакции федерального закона 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 2010 г. понятие «соотечественники» трактуется широко и включает в себя не только граждан России, но и проживавших на территории СССР лиц и их потомков, сделавших «свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи» с Россией [1]. Проблема, таким образом, вплетается в остро стоящий во всех европейских странах миграционный вопрос и в конечном счете в продолжающиеся с начала образования современной России дискуссии о российской/русской нации.

Спустя почти 30 лет после распада СССР объединять русскоязычные сообщества в категорию «постсоветские» все сложнее с аналитической точки зрения. Геополитические, экономические и культурные условия, определяющие жизнь русских общин, сильно изменились как во внутриполитическом и региональном, так и в глобальном масштабах. Нельзя не учитывать и трансформации, которые произошли за этот период с Россией как ключевым фактором воспроизводства русских идентичностей. Очевидно, что выстраивание исследовательских стратегий в области изучения русскоязычного населения постсоветского пространства должно исходить из понимания уникальности русских идентичностей, формировавшихся в жизненных траекториях,

которые в значительной степени оказались включены в контекст национального строительства конкретных государств.

На протяжении всего периода постсоветского национального строительства интеграция этнического русскоязычного меньшинства была императивом политической, социальной, экономической и национальной безопасности. Не является в этом плане исключением и Эстония. Несмотря на прогресс, выражающийся, например, в таком показателе, как увеличение числа этнических эстонцев, имеющих эстонское гражданство, Эстония остается разделена на два довольно замкнутых сообщества. Русские и эстонцы находятся в разных информационных пространствах и имеют принципиально отличающиеся представления не только друг о друге, но и о России, Эстонии, их истории и политике национальной безопасности.

Основные направления исследований русской общины Эстонии. Политико-правовое положение русскоязычного населения оказалось в центре внимания академической общественности с момента обретения Эстонией независимости, при этом исследователи с самого начала делали акцент в основном на особенностях интеграционной политики [2]. С тех пор уже на протяжении почти трех десятилетий эта проблема продолжает оставаться в фокусе этнополитологии. В целом можно выделить пять проблем, определяющих современные дискуссии о русскоязычном населении Эстонии.

Первая проблема связана с вопросом гражданства. Эстонская независимость была восстановлена по принципу правовой преемственности, следовательно, только граждане досоветского периода и их потомки получили гражданство автоматически. Людям, которые мигрировали в Эстонию в советское время, пришлось пройти процесс натурализации, одним из ключевых элементов которого является демонстрация знания эстонского языка. Как оказалось, уровень знания эстонского языка у большинства русских Эстонии не соответствовал требуемому уровню ни во время принятия Закона о гражданстве, ни позже. Проводимый с 2000 г. мониторинг интеграции указывает на то, что отношение эстонской и русской общин к законам о гражданстве кардинально различается: эстонцы одобряют действующую политику гражданства, тогда как большинство россиян считают ее дискриминационной [3].

Вторая проблема имеет отношение к языковому статусу. Эстонский язык определен как единственный официальный язык страны, и расширение сферы его применения – как географически, так и профессионально – было основной целью интеграционной политики с самого образования независимой Эстонии. В то же время, поскольку русский был языком общения разных национальностей в советский период, многие русские воспринимают эту политику как ограничение собственных прав, а также в целом как угрозу существованию русского языка в Эстонии. Важно отметить, что во многих районах страны овладеть эстонским на достаточном уровне до сих пор чрезвычайно затруднительно, так как этому не способствует сама языковая среда. В результате многие русские рассматривают языковую политику Эстонии как прямое административное давление [4, р. 42].

Третья проблема касается реформирования системы образования. Система образования ЭССР предполагала параллельные языковые школы. С точки зрения эстонского правительства, только единая система образования обеспечит равные возможности карьерного роста для всей молодежи, независимо от их этнической принадлежности. Фактически же эта риторика прикрывает упразднение русскоязычного образования. Как следствие, школьная реформа представляет собой не компромиссное объединение двух систем, а, скорее, попытку ассимиляции и создания этнического национального государства.

Четвертая проблема заключается в том, что эстонское население по-разному относится к внешней политике, и прежде всего в отношении России. Многие эстонцы не только ассоциируют Россию с несправедливостью прошлого, но видят в ней постоянную угрозу безопасности. В отличие от эстонского большинства, русскоязычное население рассматривает Россию как источник своих традиций и культуры, как информационное пространство, формирующее их повседневную жизнь [5, р. 44].

Пятая проблема имеет своей сутью ценностный конфликт, который проявляется в столкновении исторических представлений. Манипуляции прошлым в Прибалтийских республиках в годы перестройки были популярным и эффективным инструментом мобилизации антисоветского протеста, усиления этнической эстонской солидарности. Неудивительно, что исследования начала 1990-х гг. показали большой разрыв между соответствующими историческими воспоминаниями, особенно в отношении роли, которую Россия сыграла в судьбе Балтийского региона. Ориентация стран Балтии на Запад привела к созданию новых символических границ, которые были легитимированы с помощью новых исторических нарративов и воспоминаний. Новые политические элиты реанимировали прошлое, чтобы узаконить свое правление, ускорить переход к демократии и обеспечить социальную сплоченность во времена экономических трудностей.

В Эстонии в центре внимания оказались интерпретации советского наследия и Второй мировой войны. Наиболее явно проблема обозначилась в 2007 г. в связи с протестами русскоязычного населения Эстонии по поводу переноса памятника советским солдатам – освободителям Таллина от немецко-фашистских захватчиков [6]. Проблема в том, что русскоязычное население оказывается исключенным из эстонского общества как не вписывающееся в предлагаемую позитивную трактовку жертвенности и героизма в новых официозных интерпретациях прошлого. Главные противоречия связаны с сугубо негативной трактовкой советского периода, который описывается исключительно как оккупационный [7, р. 656–659], но еще большие разногласия вызывают попытки описывать эстонский коллаборационизм времен Великой Отечественной войны как национально-освободительное движение.

Перспективы исследований русскоязычной общины Эстонии. Попытки консолидации, проводимые эстонским государством на всем протяжении его существования, показали, что настоящая солидарность не может быть обеспечена простым вливанием средств в реализацию формальных процедур искусственной интеграции. Эффектные, ориентированные на внешнеполитическую конъюнктуру стратегии не способны преодолеть пессимизм и подавленность в настроениях русскоязычного населения. После массовых беспорядков, вызванных демонтажем памятника «Бронзовый солдат» в 2007 г., эстонское общество получило тревожный сигнал о необходимости что-то изменить в политической практике интеграции этнических меньшинств. Социальная сплоченность вышла на передний план среди приоритетов национальной безопасности государства.

Однако новейшие исследования показывают, что национальная политика государства «не оказала существенного влияния на процессы этнической самоидентификации русского меньшинства Таллина» [8, с. 43]. Новое поколение русской общины, которое составляют молодые люди, родившиеся после 1991 г., не ощущают себя органичной частью сообщества эстонского государства. По словам О.В. Халлисте, «в Эстонии ни в один из этих [социальных] лифтов [получение хорошего образования, социальная карьера через продвижение в науке или преподавание в престижных университетах] молодым русским практически не попасть» [9, с. 172]. Более того, исследования рынка труда в 2011–2013 гг. показывают, что динамика структурной интеграции местных жителей и «иммигрантов второго поколения» в Эстонии кардинальным образом отличается от того, что наблюдается в большинстве западных стран. Возможности успешного трудоустройства или получения высокого профессионального положения у русских второго поколения по отношению к своим эстонским сверстникам сильно ограничены по сравнению с возрастной категорией их родителей [10, р. 1].

В связи с этим представляется сомнительной целесообразность привлечения методологического аппарата миграционных исследований. В описаниях русского населения как мигрантов первой и второй волны видятся попытки проводить параллели с современными проблемами Западной Европы, которые могут иметь только внешний характер. В перспективе миграционных исследований легко потерять из виду очевидные структурные, демографические и культурно-исторические особенности русской общины Эстонии.

Уровень владения языком и статус гражданства являются не вполне достоверными показателями того, насколько хорошо русское население интегрировано в государство, по следующим причинам. С одной стороны, есть категория не владеющих эстонским паспортом, но свободно говорящих по-эстонски и проявляющих большую лояльность к Эстонии, чем к России. С другой стороны, очень многие из якобы интегрированных молодых этнических русских с хорошим эстонским языком продолжают чувствовать себя отчужденными, исключенными и дискриминируемыми. Также в Эстонии много русских, которые думают, что они принуждены к пассивному принятию различных политических практик, направленных на интеграцию, которая для них означает ассимиляцию и полное стирание их этнической идентичности. Эти экзистенциальные по сути переживания оказываются вне аналитического фокуса и вытесняются изучением политико-правовых, социально-экономических и культурно-исторических проблем.

Для изменения ситуации придется отойти от трактовок русской общины Эстонии сугубо как объекта какой бы то ни было политической практики (политики интеграции, европеизации, ассимиляции, освободительного движения и т. д.) и попытаться раскрыть ее субъектные свойства, которые, исходя из понимания этнической идентификации как построения дискурсивных ограничений, выраженных в практических категориях и культурных идиомах [11, с. 16], лучше всего отражаются в риторических стратегиях.

В то же время прямая речь русскоязычного населения Эстонии, помимо собственно лингвистических исследований, встречается в очень ограниченном количестве работ. Следовательно, существует необходимость детальных исследований русской этничности в Эстонии, сделанных на основе данных качественных исследовательских дизайнов. Обозначенные проблемы

требуют сосредоточить внимание на том, в каких понятиях презентуется солидарность русскоязычного населения Эстонии, с помощью каких символических средств происходит разграничение «свой – чужой» и объективируется ситуация этнического неравенства. При этом следует сфокусироваться на повседневных практиках, личных повествованиях и акцентировать внимание на решении вопроса о том, как русскоязычное население конструирует свою идентичность в русском, эстонском и глобальном пространстве одновременно.

Наконец, смена ракурса исследования и акцентирование внимания на ценностных основаниях идентификации представителей русской общины Эстонии заставляют обратить внимание на поколение среднего возраста, рамки жизненной ситуации которого определяются, во-первых, получением полного среднего образования на русском языке в СССР, во-вторых, построением карьеры в новом государстве в качестве представителей этнического меньшинства. Это наиболее активное и стабильное поколение, которое формирует и определяет ценностные ориентиры и установки всего сообщества. В связи с этим актуализируются две комплексные задачи. Первая – на основе биографического анализа охарактеризовать жизненные траектории, формирующие современную русскую этничность в Эстонии (определение ключевых биографических точек, формирующих ценностную ориентацию в общественно-политическом пространстве). Вторая – определить особенности формирования и средства описания современной социальной и политической действительности русского населения Эстонии (понимание собственного политического статуса, языковой ситуации, отношение к эстонцам, опыт и восприятие случаев дискриминации, определение предполагаемых угроз культурной идентичности, транснациональные контакты и действия, эмоциональная связь с Россией, видение и выстраивание жизненной траектории детей).

Заключение. Среди исследователей и политиков формируется понимание, что, помимо предоставления прав и обеспечения формального равенства, чтобы добиться расположения представителей русской общины, требуются искренние, значимые и регулярные усилия. В их основе должны находиться эмпатические исследования, направленные на то, чтобы понять русское сообщество Эстонии изнутри, полноценно осознать природу его потребностей, стремлений, обид и тревог. Этим задачам подчинены дизайны исследований качественного типа, и в первую очередь интервью с открытыми вопросами нарративно-биографического и феноменологического плана. Основные блоки вопросов должны формироваться с учетом следующего круга проблем: способы самоидентификации и выбора жизненной стратегии; внутренние переживания знаковых событий в истории независимых Эстонии и России; самоопределение национального меньшинства и видение эстонской государственности; степень, формы и пути интеграции/деинтеграции; позиция по ключевым вопросам эстонской и российской внутри- и внешнеполитической повестки.

Ссылки:

1. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом [Электронный ресурс] : федер. закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ : ред. от 23 июля 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Тишков В.А. Русские как меньшинство: пример Эстонии. Документ № 52. М., 1992. 21 с.
3. Kruusvall J., Vetik R., Berry J.B. The Strategies of Inter-Ethnic Adaptation of Estonian Russians // *Studies of Transition States and Societies*. 2008. Vol. 1, iss. 1. P. 3–24.
4. Vetik R. Integration Policies // *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve. The TIES Study in Estonia* / ed. by R. Vetik, J. Helemäe. Amsterdam, 2011. P. 39–59.
5. Ibid. P. 44.
6. Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2008. Vol. 36, iss. 3. P. 425–448. <https://doi.org/10.1080/00905990802080646> ; Ehala M. The Bronze Soldier: Identity Threat and Maintenance in Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2009. Vol. 40, iss. 1. P. 139–158. <https://doi.org/10.1080/01629770902722294>.
7. Tamm M. In Search of Lost Time: Memory Politics in Estonia, 1991–2011 // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2013. Vol. 41, iss. 4. From Socialist to Post-Socialist Cities. P. 651–674. <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.747504>.
8. Никифоров И. Демографическая и социально-экономическая динамика русского населения Эстонии в новейший исторический период. М., 2016. 48 с.
9. Халлисте О.В. Новые проблемы интеграции русскоязычной молодежи Эстонии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 14, № 3. С. 161–176.
10. Saar E., Krusell S., Helemäe J. Russian-Speaking Immigrants in Post-Soviet Estonia: Towards Generation Fragmentation or Integration in Estonian Society // *Sociological Research Online*. 2017. Vol. 22, iss. 2. P. 1–22. <https://doi.org/10.5153/sro.4228>.
11. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012. 408 с.

References:

- Brubaker, R & Borisova, I (trans.) 2012, *Ethnicity Without Groups*, Moscow, 408 p., (in Russian).
Brüggemann, K & Kasekamp, A 2008, 'The Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia', *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, vol. 36, iss. 3, pp. 425–448, <https://doi.org/10.1080/00905990802080646>.

- Ehala, M 2009, 'The Bronze Soldier: Identity Threat and Maintenance in Estonia', *Journal of Baltic Studies*, vol. 40, iss. 1, pp. 139-158, <https://doi.org/10.1080/01629770902722294>.
- Halliste, OV 2011, 'New Issues of Russian-Speaking Youth Integration in Estonia', *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii*, vol. 14, iss. 3, pp. 167-176, (in Russian).
- Kruusvall, J, Vetik, R & Berry, JB 2008, 'The Strategies of Inter-Ethnic Adaptation of Estonian Russians', *Studies of Transition States and Societies*, vol. 1, iss. 1, pp. 3-24.
- Nikiforov, I 2016, *Demographic and Socio-Economic Dynamics of the Russian Population of Estonia in the Recent Historical Period*, Moscow, 48 p., (in Russian).
- Saar, E, Krusell, S & Helemae, J 2017, 'Russian-Speaking Immigrants in Post-Soviet Estonia: Towards Generation Fragmentation or Integration in Estonian Society', *Sociological Research Online*, vol. 22, iss. 2, pp. 1-22, <https://doi.org/10.5153/sro.4228>.
- Tamm, M 2013, 'In Search of Lost Time: Memory Politics in Estonia, 1991-2011', *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, vol. 41, iss. 4, *From Socialist to Post-Socialist Cities*, pp. 651-674, <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.747504>.
- Tishkov, VA 1992, *Russians as a Minority: the Example of Estonia. Document No. 52*, Moscow, 21 p., (in Russian).